

Иван Тургенев

Странная история

Иван Сергеевич Тургенев

Странная история

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3004255

Аннотация

Реакционные круги русского общества, крайне озлобленные появлением романа «Дым», восприняли «Странную историю» как продолжение начатого, по их мнению, писателем в романе холодного обличения своей родины. П. Мериме сообщал Тургеневу 13 (25) марта 1870 г. о беседах с русскими обитателями Ниццы по поводу «Странной истории»: «Как кажется, Ваш последний рассказ привел их в ярость. Они говорят, что Вы ожесточенный враг России и что хотите видеть одни только ее теневые стороны. Я спросил у одной дамы, которая казалась очень возмущенной, в чем теневая сторона в Вашем рассказе. Ответ: – Всюду. – Имеются ли юродивые в России? – Конечно. – А крайне набожные и восторженные девицы? – Безусловно. – На что же вы тогда жалуетесь? – Не нужно говорить об этом иностранцам. – Я передаю вам этот отзыв так, как я его слышал. Лакейский патриотизм повсюду один и тот же: я не знаю ничего более глупого»

Содержание

Примечания	39
Источники текста	39
Условные сокращения	61

Иван Сергеевич Тургенев

Странная история

Рассказ

...Лет пятнадцать тому назад, – начал г-н Х..., – обязанности службы заставили меня прожить несколько дней в губернском городе Т...¹ Я остановился в порядочной гостинице, устроенной за полгода до моего приезда разбогатевшим портным из евреев. Говорят – она процветала недолго, что у нас весьма обыкновенно; но я застал ее еще в полном блеске: новые мебели стреляли по ночам как из пистолетов, постельное белье, скатерти и салфетки пахли мылом, а от крашенных полов несло олифой, что, впрочем, по мнению полового, человека весьма изящного, хоть и не совсем опрятного, препятствовало распространению насекомых. Половой этот, бывший камердинер князя Г., отличался развязностью обращения и самоуверенностью; ходил постоянно во фраке с чужого плеча и стоптанных башмаках, носил под мышкой салфетку и множество угрей на щеках и, свободно размахива-

¹ ... в губернском городе Т... – Место действия рассказа условно. Реальный случай, послуживший основой сюжета произведения, очевидно, произошел в Орле. Однако Тургенев, после некоторого колебания, обозначил как место действия город Т... и «С...кую губернию, находящуюся, как известно, рядом с губернией Т...ской» (с. 152), т. е. Тамбов и граничившую с Тамбовской (смежной также с Орловской) губернией Саратовскую губернию (см. выше творческую историю произведения – наст. том, с. 468).

вая потными руками, произносил короткие, но внушительные речи. Он оказывал мне некоторое покровительство, как человеку, способному оценить его образованность и знание света; но на собственную судьбу взирал несколько разочарованным оком. «Известно, – сказал он мне однажды, – какое наше теперь положение? За хвост да и на солнце!» Звали его Ардалионом.

Мне предстояло сделать несколько визитов чиновным лицам города. Тот же Ардалион достал мне коляску и лакея, одинаково развинченных и потертых; но на лакее была ливрея, – а коляску украшали гербы. Окончив все официальные посещения, я заехал к одному помещику, старинному знакомому моего отца, с давних пор поселившемуся в городе Т... Я с ним лет двадцать не видался; он успел жениться, развести порядочное семейство, овдоветь и разбогатеть. Он занимался откупам, то есть ссужал откупщиков залогами за крупные проценты... «Риск – благородное дело!» Впрочем, и риску было мало. В течение нашей беседы в комнату нерешительными, но легкими шагами, словно на цыпочках, вошла девушка лет семнадцати, тоненькая и худенькая. «Вот, – сказал мне мой знакомый, – старшая моя дочь Софи, рекомендую; заменила мне покойницу; хозяйничает в доме, за братьями и сестрами наблюдает». Я вторично поклонился вошедшей девушке (она между тем молча опустилась на стул) и подумал про себя, что на хозяйку, на воспи-

тательницу она мало похожа. Лицо у ней было совсем детское, круглое, с маленькими приятными, но неподвижными чертами; голубые глазки, под высокими, тоже неподвижными, неровными бровями, глядели внимательно – почти изумленно, точно они начали замечать что-то для них неожиданное; пухлый ротик с приподнятой верхней губой не только не улыбался, но, казалось, не имел этой привычки вовсе; на щеках нежными продолговатыми пятнами, не прибавляясь и не уменьшаясь, стояла розовая кровь под тонкой кожей. Пушистые белокурые волосы висели легкими гроздьями с обеих сторон небольшой головы. Грудь дышала тихо, и руки как-то неловко и строго прижимались к узкому стану. Голубое платье падало без складок – по-детски – на маленькие ножки. Общее впечатление, производимое этой девушкой, было не то чтобы болезненное, но загадочное. Я видел перед собою не просто робевшую провинциальную барышню, но существо с особенным, для меня неясным отпечатком. Оно меня не привлекало и не отталкивало; я его не вполне понимал и только чувствовал, что мне еще не удавалось встретить более искреннюю душу. Жалость... да! жалость возбуждала во мне эта молодая, серьезная, настороженная жизнь – бог ведает почему! «Не от земли сея», – думалось мне, хотя собственно в выражении лица не было ничего «идеального» и хотя в гостиную mademoiselle Sophie, очевидно, появилась для того, чтобы исполнить роль хозяйки, на которую намекал ее отец.

Он начал говорить о жизни в городе Т..., об общественных удовольствиях и удобствах, доставляемых ею. «У нас смирно, – заметил он, – губернатор – меланхолик, губернский предводитель – холостяк. А впрочем, послезавтра в дворянском собрании большой бал. Советую съездить: здесь не без красавиц. Ну и всю нашу *интеллигенцию* вы увидите».

Мой знакомый, как человек, некогда обучавшийся в университете, любил употреблять выражения ученые. Он произносил их с иронией, но и с уважением. Притом известно, что занятие откупками, вместе с солидностью, развивало в людях некоторое глубокомыслие.

– Позвольте спросить, вы будете на этом бале? – обратился я к дочери моего знакомого. Мне хотелось услышать звук ее голоса.

– Папенька намерен поехать, – отвечала она, – и я с ним. Голос у ней оказался тихий и медленный, и выговаривала она каждое слово, точно недоумевала.

– В таком случае позвольте пригласить вас на первую кадрили. – Она наклонила голову в знак согласия, но и тут не улыбнулась.

Я вскоре удалился, и, помнится, взгляд ее глаз, пристально на меня устремленных, показался мне до того странным, что я невольно посмотрел себе через плечо, уж не видит ли она кого-нибудь или что-нибудь у меня за спиною?

Вернувшись в гостиницу и пообедав неизменным «суп-жюльен», котлетами с горошком и просушенным до черноты рябчиком, я присел на диван и предался размышлениям. Предметом их была эта София, эта загадочная дочь моего знакомого; но убиравший со стола Ардалион растолковал по-своему мою задумчивость: он приписал ее скуке.

– Оченно у нас в городе мало развлечения для господ проезжающих, – заговорил он с обычной развязной снисходительностью, в то же время продолжая похлопывать грязной салфеткой по спинкам стульев: это похлопывание, как известно, свойственно одним лишь образованным слугам. – Очень мало! – Он помолчал, а громадные стенные часы, с лиловой розой на белом циферблате, своим однообразным и сиплым чиканием тоже как бы подтверждали его слова. «О... чень! о-чень!» – щелкали они. – Ни концертов никаких, ни театров, – продолжал Ардалион (он ездил с своим барином за границу и чуть ли не побывал в Париже; он хорошо знал, что одни мужики говорят: киятр), – ни танцев, например, или вечерних приемов между господами дворянами, ничего этого не существует. (Он остановился на мгновение, вероятно, для того, чтобы дать мне заметить отборность своего слога.) – Даже друг друга видят редко. Сидит каждый у себя на тычке, как «кэтик» какой. И выходит, что заезжим посетителям деваться бывает – просто некуда.

Ардалион глянул на меня искоса.

– Разве вот что, – продолжал он с расстановкой. – В слу-

чае, если имеется такое ваше расположение...

Он вторично глянул на меня и даже усмехнулся, но, должно быть, надлежащего расположения во мне не заметил.

Изящный слуга подошел к двери, подумал, вернулся и, помявшись немного на месте, нагнулся к моему уху и с игривой улыбкой промолвил:

– Не желаете ли вы мертвых видеть?

Я с изумлением посмотрел на него.

– Да, – продолжал он уже шёпотом, – у нас есть тут такой человек. Из простых мещан и даже безграмотный, а дела совершает чудные. Если, например, вы к нему отъявитесь и пожелаете увидеть какого ни на есть покойника из ваших знакомых, он вам его бесприменно покажет.

– Каким же это образом?

– Это уж его секрет. Потому, хотя он и человек безграмотный, прямо сказать, бессловесный, но в божественности очень силен! Большое от купечества к ним уважение!

– И всем это в городе известно?

– Кому нужно – знают-с; ну, а конечно, от полиции опасение соблюдается. Потому, что ни толкуй, дела все-таки запрещенные, и для простого народа – соблазн; простой народ – чернь, значит, известно – сейчас в кулаки!

– Вам он мертвецов показывал? – спросил я Ардалиона. Такого образованного смертного я не решался «тыкать».

Ардалион качнул головою.

– Показывал-с; родителя как живого представил.

Я уставился на Ардалиона. Он посмеивался и поигрывал салфеткой – и снисходительно, но с твердостью поглядывал на меня.

– Да это очень любопытно! – воскликнул я наконец. –

Нельзя ли мне с этим мещанином познакомиться?

– С ними прямо никак нельзя-с; а через ихнюю мамыньку нужно действовать. Старушка почтенная; на мосту мочеными яблоками торгует. Если прикажете, я ее спрошу-с.

– Сделайте одолжение.

Ардалион кашлянул в руку.

– И благодарность, какую вы положите, небольшую, разумеется, тоже ей вручить следует, той самой старушке. А я с своей стороны ей доложу-с, что опасаться вас нечего, так как вы господин заезжий, барин – ну и, конечно, можете понимать, что сие есть тайна, и до неприятности ни в каком случае ее не доведете.

Ардалион взял поднос в одну руку и, грациозно виляя и собственным станом и подносом, направился к двери.

– Так я могу на вас надеяться? – крикнул я ему вслед.

– Будьте благонадежны! – раздался его самоуверенный голос. – Побеседуем со старушкой и ответ вам передадим в аккурате.

Не стану распространяться о том, какие мысли возбудил во мне необычайный факт, сообщенный Ардалионом; но го-

тов сознаться, что с нетерпением ожидал обещанного ответа. Поздно вечером вошел ко мне Ардалион и объявил свою досаду: он не мог отыскать старушку. Я все-таки, в видах поощрения, вручил ему трехрублевую бумажку. На следующее утро он снова, и с радостным лицом, явился в мою комнату: старушка соглашалась на свидание со мною.

– Эй, мальчуга! – крикнул Ардалион в коридор, – мастеровой! Поди-ка сюда! – Вошел младенец лет шести, весь перепачканный в саже, как котенок, с остриженной, местами даже голой головой, в изорванном полосатом халате и огромных калошах на босу ногу. – Вот ты их проведешь, куда знаешь, – промолвил Ардалион, обращаясь к «мастеровому» и указывая на меня. – А вы, господин, как придете, спросите Матридию Карповну.

Мальчик издал сиплый звук, и мы отправились.

Мы шли довольно долго по немощеным улицам города Т...; наконец в одной из них, едва ли не самой пустынной и унылой, мой вожатый остановился перед ветхим двухэтажным деревянным домиком и, утерев нос всем рукавом халата, проговорил:

– Здеся; направо ступайте.

Я вошел через крылечко в сени, толкнулся направо: низенькая дверь завизжала на ржавых петлях, и я увидел перед собою толстую старушку в коричневой, зайцем подбитой кацавейке и пестром платочке на голове.

– Мастридия Карповна? – спросил я.

– Она самая и есть, – отвечала мне старушка пискливым голоском. – Милости просим. На стульчик не угодно ли?

Комната, в которую ввела меня старушка, была до того завалена всяким хламом, тряпьем, подушками, перинами, мешками, что повернуться в ней почти не было возможности. Солнечный свет едва пробивался сквозь два запыленные окошка; в одном углу, за грудой наставленных друг на дружку коробов, слабо охал и жаловался... неизвестно кто: быть может, больной ребенок, а быть может – щенок. Я уселся на стул, а старушка стала прямо предо мною. Лицо у ней было желтое, полупрозрачное, как восковое; губы до того ввалились, что среди множества морщин представляли одну поперечную; клоч белых волос торчал из-под головного платка, но воспаленные серые глазки умно и бойко выглядывали из-под нависшей лобной кости; а заостренный носик так и выдавался шилом, так и нюхал воздух: плут, мол, я! «Ну! ты баба не промах!» – подумалось мне; притом же от нее попахивало водочкой.

Я объяснил ей причину моего посещения, которая, впрочем, как я заметил, должна была ей быть известной. Она выслушала меня, быстро помаргивая глазами, и только еще вострее выдвинула свой нос, словно клюнуть им собиралась.

– Так-с, так-с, – заговорила она наконец, – Ардалион Матвеич нам сказывали-с, точно-с; вам сыночка моего, Васеньки, искусство понадобилось... Только сумлеваемся мы,

государь мой...

– Отчего же? – перебил я. – На мой счет вы можете быть совершенно спокойны... Я не доносчик.

– Ох, батюшка вы мой, – поспешно подхватила старушка, – что вы это? Смеем мы про ваше благородие такое думать! Да и доносить-то на нас с какой стати? Разве мы что грешное затеваем? Не таковский мой сыночек, батюшка, чтобы ему на какое нечистое дело согласиться... или каким колдовством баловаться... да сохрани бог, мать пресвятая богородица! (Старушка три раза перекрестилась.) По всей губернии первый постник и молещик; первый, батюшка вы мой, ваше благородие! А это точно: милость его посетила великая. Что ж! Это дело не его рук. Это, голубчик мой, свыше; да.

– Так вы согласны? – спросил я. – Когда я могу с вашим сыном повидаться?

Старушка опять заморгала глазами и раза два перепихнула скатанный носовой платок из рукава в рукав.

– Ох, государь мой, государь мой, сумлеваемся мы...

– Позвольте, Мастридия Карповна, вручить вам следующее, – перебил я ее и подал ей десятирублевую бумажку.

Старушка тотчас схватила ее своими пухлыми кривыми пальцами, напоминавшими мясистые когти совы, проворно засунула ее в рукав, подумала немного и, как бы внезапно решившись, хлопнула себя обеими ладонями по ляжкам.

– Приходи сюда сегодня вечером, в восьмом часу, – заго-

ворила она не своим обычным, а другим, более важным и тихим голосом, – только не в эту комнату, а прямо изволь подняться во второй этаж; и будет тебе дверь налево, и ты ту дверь отвори; и войдешь ты, ваше благородие, в пустую комнату, и в той комнате увидишь стул. Сядь ты на этот стул и жди; и что бы ты ни видел, никаких слов не произноси и не делай ничего; и с сыночком моим тоже не изволь разговаривать; потому – он еще млад, да он же у меня в падучке. Испугать его очень легко: затрепещется, затрепещется словно цыпленок какой... беда!

Я посмотрел на Мастридию.

– Вы говорите, он молод, но коли он ваш сын...

– По духу, батюшка, по духу!² Много у меня сирот-то! – прибавила она, мотнув головою в направлении угла, откуда раздался жалобный писк. – О-ох, господи боже ты мой, пресвятая мать богородица! А вы, батюшка мой, ваше благородие, прежде чем сюда пожалуете, извольте-ка подумать хорошенько, кого вам из ваших покойных сродственников или знакомых – царство им небесное! – увидеть желательно. Переберите своих покойничков, и которого выберете, так уж его в уме держите, всё держите, пока сыночек придет!

– А разве я не должен сказать вашему сыну, кого имен-

² По духу, батюшка, по духу! – Эти и другие слова Мастридии, тайна, которой сопровождается посещение ее дома, а также некоторые речи Василия дали основание Н. Л. Бродскому считать Мастридию, все ее окружение, а в конечном счете и Софью Владимировну Б. – сектантами (см.: Бродский Н. Л. И. С. Тургенев и русские сектанты. М., 1922, с. 25–38).

но...

– Ни, ни, батюшка, ни единого слова. Он сам в ваших мыслях откроет, что ему нужно. А вы только знакомца вашего хороше...енько в уме держите; да за обеденным столом винца выпейте – стаканчика два, три; винцо никогда не мешает. – Старуха рассмеялась, облизнулась, провела рукою по рту и вздохнула.

– Так в половине восьмого? – спросил я, поднимаясь со стула.

– В половине восьмого, батюшка, ваше благородие, в половине восьмого, – успокоительно отвечала Матридия Карповна.

Я простился со старухой и вернулся в гостиницу. Я не сомневался в том, что меня собирались одурачить, но каким образом? Вот что возбуждало мое любопытство. С Ардалионом я поменялся всего двумя, тремя словами.

– Допустила? – спросил он меня, нахмурив брови, и на мой утвердительный ответ воскликнул: – Баба министр!

Я принял, по совету «министра», перебирать своих покойничков. После довольно долгих колебаний я остановился, наконец, на одном давно умершем старичке, французе, бывшем моем гувернере.³ Я выбрал именно его не потому,

³ ... я остановился, наконец, на ~ французе, бывшем моем гувернере. – Тургенев дважды до «Странной истории» и еще один раз после написания этого рассказа пытался создать образ гувернера эмигранта Дессёра. В списке действующих лиц не дошедшей до нас пьесы «Компаньонка» (1850) значится «M-r Dessert, бывший

чтобы чувствовал особенное к нему влечение; но вся фигура его была так оригинальна, так не походила на современные фигуры, что подделаться под нее было совершенно невозможно. Он имел огромную голову, зачесанные назад пушистые белые волосы, густые черные брови, крючковатый нос и две большие бородавки лилового цвета посередине лба, носил зеленый фрак с медными гладкими пуговицами, полосатый жилет со стоячим воротником, жабо и маншетки. «Если он мне моего старика Дессэра покажет, – подумал я, – ну, надо будет согласиться, что он колдун!»

За обедом я, по совету старухи, выпил бутылку лафиту первойшего сорта, по уверению Ардалиона, но с сильнейшим вкусом жженой пробки и с густым осадком сандала на дне каждой рюмки.

Ровно в половине восьмого я находился перед домом, в котором беседовал с почтенной Матридией Карповной. Все ставни окон были заперты, но дверь была раскрыта. Я вошел в дом, взобрался по шаткой лестнице во второй этаж и, от-

учитель Званова – 60 лет». Присутствует это лицо и в плане романа «Два поколения» (1852–1853). Здесь оно зафиксировано как «M-r Dessert, 60 лет, француз, бывший гувернер Д<митрия Петровича>». С. Т. Аксаков, читавший впоследствии уничтоженный текст романа «Два поколения», утверждал, что француз – лучший образ среди наиболее удачных второстепенных лиц произведения (см. его письмо Тургеневу от 4 августа 1853 г. – *Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 482), В 1881 г. Тургенев включил в перечень лиц рассказа «Учителя и гувернеры», который по его замыслу должен был войти в задуманный им цикл «Отрывки из воспоминаний – своих и чужих», персонаж: «Дессёр старик. – Эмигрант».

ворив дверь налево, очутился, как мне предсказывала старушка, в совершенно пустой, довольно просторной комнате; сальная свечка, поставленная на подоконник, тускло ее освещала: у стены, напротив двери, стоял плетеный стул. Я снял со свечки, которая порядком успела нагореть, уселся на стул и начал ждать.

Первые десять минут прошли довольно скоро; в самой комнате решительно ничто не могло привлечь мое внимание; но я прислушивался к каждому шороху, внимательно глядел на закрытую дверь... Сердце билось. За первыми десятью минутами прошли другие; потом полчаса, три четверти часа – и хоть бы что пошевелинулось кругом! Я несколько раз кашлянул, чтобы дать знать о моем присутствии; я начинал скучать, сердиться: *этаким* образом быть одураченным не входило в мои расчеты. Я уже собирался подняться со стула и, взяв свечку с окна, пойти вниз... Я посмотрел на нее, светильня опять нагорела грибом; но, отведши взоры от окна к двери, я невольно вздрогнул: прислонясь к этой самой двери, стоял человек. Он так проворно и без шума вошел, что я ничего не слышал.

На нем была простая синяя чуйка; росту он был среднего и довольно плотен. Закинув руки за спину и потупив голову, он уставился на меня. При тусклом свете свечки я не мог хорошенько разглядеть его черты: я видел только косматую гриву спутанных волос, падавших на лоб, да крупные, слег-

ка искривленные губы, да белесоватые глаза. Я хотел было заговорить с ним, но вспомнил наставление Матридии и закусил губы. Вошедший человек продолжал смотреть на меня, я также глядел на него и, странное дело! в одно и то же время я почувствовал нечто вроде страха и, словно по приказанию, немедленно принялся думать о моем старом гувернере. *Тот* всё стоял у двери и дышал усиленно, точно на гору взбирался или ношу поднимал, а глаза его как будто расширялись, как будто приближались ко мне – и неловко мне становилось под их упорным, тяжелым, грозным взором; по временам эти глаза загорались зловещим внутренним огоньком; подобный огонек замечал я у борзой собаки, когда она «воззрится» в зайца и, подобно борзой собаке, *тот* весь устремлялся своим взором вслед за моим, когда я «делал угонку», то есть пробовал отвести глаза в сторону.

Так прошло не знаю сколько времени: быть может, минута; быть может, четверть часа. Он всё глядел на меня; я всё ощущал некоторую неловкость и страх и всё думал о французе. Раза два я попытался сказать самому себе: «Что за вздор! что за комедия!», попытался улыбнуться, пожать плечом... Напрасно! Всякое решение во мне тотчас «застывало», – я другого слова подобрать не умею. Мною овладевало какое-то оцепенение. Вдруг я заметил, что *тот* уже отделился от двери и стоял на шаг или на два ближе ко мне; потом он чуть-чуть подпрыгнул, обеими ногами разом, и стал

еще ближе... Потом еще... потом еще; а грозные глаза так и упирались во всё мое лицо, и руки оставались за спиною, и широкая грудь дышала усиленно. Мне эти прыжки показались смешными, но и жутко мне становилось, и, что я уже никак понять не мог, сонливость вдруг начала находить на меня. Веки мои слипались... косматая фигура с белесоватыми глазами в синей чуйке задвоилась передо мной – и вдруг совсем исчезла!.. Я встрепенулся: *он* опять стоял между дверью и мною, но уже гораздо ближе... Потом он опять исчез – словно туман набежал на него; опять появился... исчез опять... появился опять... и всё ближе, ближе – его трудное, почти храпевшее дыхание уже добегало до меня... Опять нагнулся туман, и вдруг из этого тумана, начиная с белых, кверху приподнятых волос, явственно стала вырисовываться голова старика Дессэра! Да; вот его бородавки, его черные брови, его нос крючком! Вот и зеленый фрак с медными пуговицами, и полосатый жилет, и жабо... Я вскрикнул, я приподнялся... Старик исчез, и на месте его я снова увидел человека в синей чуйке. Он подошел, шатаясь, к стене, уперся в нее головой и обеими руками и, задыхаясь как запаленная лошадь, хриплым голосом проговорил: «Чаю!» Откуда ни возьмись, Мастридия подскочила к нему и, приговаривая: «Васенька, Васенька», – принялась заботливо утирать пот, который так и струился с его волос и лица. Я было приблизился к ней, но она так убедительно, таким раздирающим голосом воскликнула:

– Ваше благородие! отец милостивый, не губите, уйдите, Христа ради! – что я повиновался; а она снова обратилась к своему сыночку. – Кормилец, голубчик, – успокаивала она его, – сейчас тебе будет чай, сейчас. Да и вы, батюшка, чайку у себя дома выкушайте! – крикнула она мне вслед.

Вернувшись домой, я послушался Мистрииды и велел подать себе чаю; я чувствовал усталость – даже слабость.

– Ну что-с? – спросил меня Ардалион, – были-с? видели-с?

– Он мне точно показал что-то... чего я, признаюсь, не ожидал, – отвечал я.

– Великой премудрости человек! – заметил Ардалион, вынося самовар, – от купечества к ним – ба-аль-шое уважение!

Ложась спать и размышляя о случившейся со мной истории, я наконец вообразил, что добился ее объяснения. Человек этот несомненно обладал значительной магнетической силой; действуя, конечно, непонятным для меня способом на мои нервы, он так ясно, так определенно возбудил во мне образ старика, о котором я думал, что мне, наконец, показалось, что я его вижу перед глазами... Науке известны подобные «метастазы» – перестановления ощущений. Прекрасно; но сила, способная производить такие действия, все-таки оставалась чем-то удивительным и таинственным. «Что ни говори, – думал я, – я видел, своими глазами видел покойного моего гувернера!»

На следующий день происходил бал в дворянском собрании. Отец Софи заехал ко мне и напомнил мне приглашение, которое я сделал его дочери. В десятом часу вечера я уже стоял рядом с нею посреди залы, освещенной множеством медных ламп, и готовился выделять немудреные па французской кадрили под громогласные завывания военного оркестра. Народу съехалось пропасть; особенно много было дам, и прехорошеньких; но пальма первенства между ними непременно осталась бы за моей дамой, если бы не несколько странный, несколько даже дикий ее взор. Я заметил, что она очень редко мигала; несомненное выражение искренности в ее глазах не выкупало того, что в них было необычного. Но сложена она была прелестно и двигалась грациозно, хоть и застенчиво. Когда она вальсировала и, немного перегнув назад свой стан, наклоняла тонкую шею к правому плечу, как бы желая отдалиться от своего танцора, ничего более трогательно-молодого и чистого нельзя было себе представить. Она была вся в белом, с бирюзовым крестиком на черной ленточке.

Я пригласил ее на мазурку и постарался разговорить ее. Но она отвечала мало и неохотно, а слушала внимательно, с тем же выражением задумчивого изумления, которое поразило меня в первое мое свидание с нею. Никакой тени кокетства в ее лета, с ее наружностью, и отсутствие улыбки, и эти глаза, постоянно и прямо устремленные в глаза себе-

седника, – эти глаза, которые в то же время как будто видят что-то другое, чем-то другим озабочены... Что за странное существо! Не зная, наконец, чем расшевелить ее, я вздумал рассказать ей мое вчерашнее приключение.

Она выслушала меня до конца с видимым любопытством, но, чего я никак не ожидал, не удивилась моему рассказу и только спросила меня, не Василием ли зовут *его*? Я вспомнил, что старуха при мне называла его «Васенькой».

– Да; его имя Василий, – отвечал я, – разве вы его знаете?

– Здесь живет один богоугодный человек, которого зовут Василием, – промолвила она, – я подумала, не он ли?

– Богоугодность тут ни к чему, – заметил я, – это простое действие магнетизма – факт, интересный для докторов и естествоиспытателей.

Я принялся излагать свои воззрения на ту особенную силу, которую зовут магнетизмом, на возможность подчинения воли одного человека воле другого и т. п.;⁴ но мои, правда,

⁴ *Богоугодность тут ни к чему ~ подчинения воли одного человека воле другого...* – Проблемы «магнетизма», гипноза и разных непонятных и необъяснимых форм воздействия воли одного человека на другого занимали умы в особенности с начала 50-х годов XIX века. Наряду с мистическими и идеалистическими толкованиями загадочных психических явлений в 1850-х, а также в 1860–80-х годах делались попытки их объяснения в духе естественнонаучного эмпиризма и позитивистской, вульгарно-материалистической философии. Относя действие рассказа к середине 1850-х годов («Лет пятнадцать тому назад», – начинается рассказ, напечатанный в 1870 г.), Тургенев соблюдает историческую точность, когда наделяет рассказчика естественнонаучными, хотя и «сбивчивыми», взглядами на явления гипноза и внушения, обсуждавшиеся в эти годы очень широко. Ряд исследователей связывает сюжеты «таинственных повестей» Тургенева,

несколько сбивчивые объяснения, казалось, не производили впечатления на мою собеседницу. Софи слушала, уронив на колени скрещенные руки с неподвижно лежавшим в них верою; она не играла им, она вообще не шевелила пальцами, и я чувствовал, что все мои слова отскакивали от нее, как от каменной статуи. Она понимала их, но у ней, видимо, были свои, незыблемые и неискоренимые убеждения.

– Не допускаете же вы чудес! – воскликнул я.

– Конечно, допускаю, – спокойно промолвила она. – Да и как возможно не допускать их? Разве не сказано в евангелии, что у кого на одно горчишное семя веры, тот может горы поднимать с места?⁵ Нужно только веру иметь, – чудеса будут.

– Видно, мало веры в наше время стало, – возразил я, – что-то не слышать про чудеса!

и в том числе эпизод с гипнотическим внушением в «Странной истории», с естественнонаучными интересами Тургенева (см.: Бялый Г. Тургенев и русский реализм. М.; Л.: Советский писатель, 1962, с. 208–217).

⁵ ... у кого на одно горчишное семя веры, тот может горы поднимать с места? – Софи пересказывает евангельский текст (от Матфея, гл. 17, ст. 20). Самоотречение Софи, ее готовность всем пожертвовать ради служения тому, что она считает своим нравственным долгом, сближает ее в сознании Тургенева с девушками, ушедшими в революцию. Противопоставляя революционной «вере в чудо» больших общественных сдвигов свои либеральные надежды на постепенный прогресс, Тургенев употреблял почти те же выражения, какими пользовались участники спора о «чуде» в «Странной истории». 22 февраля (6 марта) 1875 г. он писал А. П. Философовой: «Пора у нас в России бросить мысль о „сдвигании гор с места“ – о крупных, громких и красивых результатах <...> мы умрем – и ничего громадного не увидим».

– Однако вот бывают же; вы сами видели. Нет; вера не перевелась в наше время; а начало веры...

– Начало премудрости страх божий, – перебил я.

– Начало веры, – продолжала Софи, нисколько не смутившись, – самоотвержение... уничтожение!

– Даже уничтожение? – спросил я.

– Да. Гордость человеческая, гордыня, высокомерие, вот что надо искоренить дотла. Вы вот упомянули о воле... ее-то и надо сломить.

Я окинул взором всю фигуру молоденькой девушки, прозносившей такие речи... «А ведь этот ребенок не шутит!» – подумалось мне. Я взглянул на наших соседей по мазурке: они также взглянули на меня, и мне показалось, что мое удивление их забавляло; один из них даже улыбнулся мне сочувственно, как бы желая сказать: «А? что? какова у нас барышня-чудачка? Здесь все ее за такую знают».

– Вы попытались сломить свою волю? – обратился я снова к Софи.

– Всякий обязан делать то, что ему кажется правдой, – отвечала она каким-то догматическим тоном.

– Позвольте вас спросить, – начал я после небольшого молчания, – верите ли вы в возможность вызывать мертвых?

Софи тихо покачала головой.

– Мертвых нет.

– Как нет?

– Душ мертвых нет; они бессмертны и могут всегда явить-

ся, когда захотят... Они постоянно окружают нас.

– Как? Вы полагаете, что, например, подле того гарнизонного майора, с красным носом, может в эту минуту витать бессмертная душа?

– Почему же нет? Солнечный свет освещает же его и его нос – а разве солнечный свет, всякий свет, не от бога? И что такое наружность? Для чистого нет ничего нечистого! Лишь бы учителя найти! наставника найти!

– Да позвольте, позвольте, – вмешался я, признаюсь, не без злорадства. – Вы желаете наставника... а духовник ваш на что?

Софи холодно посмотрела на меня.

– Вы, кажется, хотите смеяться надо мною. Батюшка мой духовный говорит мне, что я должна делать; но мне нужен такой наставник, который сам бы мне на деле показал, как жертвуют собою!

Она подняла глаза к потолку. Своим детским лицом и этим выражением неподвижной задумчивости, тайного, постоянного изумления, она напоминала мне дорафаэлевских мадонн...⁶

⁶ Своим детским лицом ~ она напоминала мне дорафаэлевских мадонн... – Итальянские художники раннего Возрождения, предшественники Рафаэля – Лоренцо Джерини, Фра Анджелико да Фьезоле, Антонио Росселино и другие придавали лицам своих мадонн выражение наивной веры. Скованность фигур на их картинах, отсутствие разработанного фона и перспективы – черты, характерные для средневековой живописи, – усиливали впечатление духовной, религиозной отрешенности образов их произведений.

– Я читала где-то, – продолжала она, не оборачиваясь ко мне и едва шевеля губами, – что один вельможа велел себя похоронить под папертью церковною для того, чтобы все приходившие люди ногами попирали его, топтали... Вот это надо еще при жизни сделать...

Бум! бум! тра-ра-рах! – гремели с хоров литавры... Признаюсь, подобный разговор на бале показался мне чересчур эксцентричным: он невольно возбуждал во мне мысли... свойства, совершенно противоположного религиозному. Я воспользовался приглашением моей дамы на одну из фигур мазурки, чтобы уже не возобновлять наших quasi⁷ богословских прений.

Четверть часа спустя я отвел mademoiselle Sophie к ее родителю, а дня через два я покинул город Т..., и образ девушки с детским лицом и непроницаемой, точно каменной, душой скоро изгладился из моей памяти.

Минуло два года, и этому образу опять пришлось возникнуть предо мною. А именно: я разговаривал с одним сослуживцем, только что вернувшимся из поездки по южной России. Он прожил несколько времени в городе Т... и сообщил мне кое-какие сведения о тамошнем обществе.

– Кстати! – воскликнул он, – ведь ты, кажется, хорошо знаком с В. Г. Б.?

– Как же, знаком.

⁷ мнимо (лат.).

– И дочь его, Софью, ты знаешь?

– Я видел ее раза два.

– Представь: сбежала!

– Как так?

– Да так же. Вот уже три месяца, как без вести пропала. И удивительно то, что никто не может сказать, с кем она сбежала. Представь, никакой догадки, ни малейшего подозрения! Она всем женихам отказывала. И поведения была самого скромного. Уж эти мне тихони да богомолки! Скандал по губернии ужасный! Б. в отчаянии... И какая ей была нужда бежать? Отец во всем исполнял ее волю. Главное, непостижимо то, что все губернские ловеласы налицо, все до единого.

– И ее до сих пор не отыскали?

– Говорят тебе, как в воду канула! Одной богатой невестой на свете меньше, вот что скверно.

Известие это меня очень удивило. Оно никак не вязалось с тем воспоминанием, которое я сохранил о Софии Б. Но мало ли чего не бывает!

Осенью того же года меня, опять-таки по служебным делам, судьба закинула в С...кую губернию, находящуюся, как известно, рядом с губернией Т...ской. Погода стояла дождливая и холодная; изнуренные почтовые лошаденки едва тащили мой легонький тарантас по растворившемуся чернозему большой дороги. Помнится, один день выдался особен-

но неудачный: раза три пришлось «сидеть» в грязи по ступицу; ямщик мой то и дело бросал одну колею и с гиканием и завыванием переползал в другую; но и в той не было легче. Словом, к вечеру я так измучился, что, добравшись до станции, решил переночевать на постоялом дворе. Мне отвели комнатку с деревянным продавленным диваном, покривившимся полом и оборванными бумажками по стенам; в ней пахло квасом, рогожей, луком и даже скипидаром, и мухи роями сидели повсюду; но по крайней мере от непогоды можно было укрыться; а дождь, как говорится, зарядил на целые сутки. Я велел поставить самовар и, присев на диван, предался тем дорожным нерадостным думам, которые так знакомы путешественникам на Руси.

Они были прерваны тяжелым стуком, раздавшимся в общей избе, от которой моя комната отделялась дощатой перегородкой. Стук этот сопровождался отрывочным зычным бряцанием, подобным лязгу цепей, и внезапно гаркнул грубый мужской голос: «Благослови бог всех сущих *у дому се-му*. Благослови бог!» «Благослови бог! Аминь, аминь, рассыпья!» – повторил голос, как-то нескладно и дико вытягивая последний слог каждого слова... Послышался шумный вздох, и грузное тело с тем же бряцаньем опустилось на лавку.

– Акулина! Раба божия, подь сюда! – заговорил опять голос, – зри, яко наг, яко благ... Ха-ха-ха! Тьфу! Господи боже мой, господи боже мой, господи боже мой, – загудел голос,

как дьячок на клиросе, – господи боже мой, владыка живота моего, воззри на окаянство мое... О-хо-хо! Ха-ха... Тьфу! А дому сему благодать в час седьмый!

– Кто это? – спросил я тароватую мещанку-хозяйку, вошедшую ко мне с самоваром.

– А это, батюшка вы мой, – отвечала она мне торопливым шёпотом, – блаженный, божий человек. В наших краях недавно проявился; вот и нас посетить изволил. В экую непогодь! Так с него, голубчика, ручьями и льет! И вериги, вы бы посмотрели, на нем какие – страсть!

– Благослови бог! Благослови бог! – раздался снова голос. – Акулина! А Акулина! Акулинушка, друг! И где наш рай? Рай наш прекрасный? В пустыне наш рай... рай... А дому сему, на почине веку сего... радости велии... о... о... о... – Голос забормотал что-то невнятное, и вдруг, вслед за протяжным зевком, опять послышался сиплый хохот. Хохот этот вырывался всякий раз как бы невольно, и всякий раз после него слышалось негодующее плевание.

– Эх-ма! Степаныча нет! вот наше горе-то! – словно про себя промолвила хозяйка, со всеми признаками глубочайшего внимания остановившаяся у двери. – Слово какое спасительное скажет, а мне бабе и невдомек! – Она проворно вышла.

В перегородке была щель; я приложился к ней глазом. Юродивый сидел на лавке ко мне задом: я видел только его

громадную, как пивной котел, косматую голову, да широкую, сторбленную спину под заплатаанным мокрым рубищем. Перед ним, на земляном полу, стояла на коленях тщедушная женщина в старом, тоже мокром, мещанском шушуне с темным платком, надвинутым на самые глаза. Она силилась стащить сапог с ноги юродивого, пальцы ее скользили по загрязненной, осклизлой коже. Хозяйка стояла возле нее со сложенными на груди руками и благоговейно взидала на «божьего человека». Он по-прежнему бурчал какие-то невнятные речи.

Наконец женщине в шушуне удалось сдернуть сапог. Она чуть навзничь не упала, однако справилась и принялась разматывать онучи юродивого. На подъеме ноги оказалась рана... Я отвернулся.

– Чайком не прикажешь ли попотчевать, родимый? – слышался подобострастный голос хозяйки.

– Что выдумала! – отозвался юродивый. – Грешное тело баловать... Охо-хо! Все кости ему сокрушить... а она – чай! Ох, ох, старица почтенная, сатана в нас силен! На него глад, на него хлад, на него хляби небесные, дожди проливные, пронзительные, а он ничего, живуч! Помни день покровы богородицы! Будет тебе, будет много!

Хозяйка легонько даже ахнула от удивления.

– Только ты слушай меня! Всё отдай, голову отдай, рубаху отдай! И просить не будут, а ты отдай! Потому, бог видит! Али крышу долго разметать? Дал он тебе, милостивец, хле-

ба, ну и сажай его в печь! А он всё видит! Ви...и...ди...ит!
Глаз в треугольнике чей? сказывай... чей?

Хозяйка украдкой перекрестилась под косынкой.

– Древний враг, адамант! А...да...мант! А...да... мант, – повторил несколько раз юродивый со скрежетом зубов. – Древний змий! Но да воскреснет бог! Да воскреснет бог и расточатся врази его! Я всех мертвых призову! На врага его пойду... Ха-ха-ха! Тьфу!

– Маслица нет ли у вас, – произнес другой, едва слышный голос, – дайте на ранку приложить... Тряпочка у меня чистая есть.

Я снова глянул сквозь щель: женщина в шушуне всё еще возилась с больной ногой юродивого. «Магдалина!» – подумал я.

– Сейчас, сейчас, голубушка, – промолвила хозяйка и, войдя ко мне в комнату, достала ложечкой масла из лампадки перед образом.

– Кто это ему прислуживает? – спросил я.

– А не знаем, батюшка, кто такая; тоже спасается, чай, грехи заслуживает. Ну да уж и святой же человек!

– Акулинушка, чадушко мое милое, дочка моя любезная, – твердил между тем юродивый и вдруг заплакал.

Стоявшая перед ним на коленях женщина возвела на него свои глаза... Боже мой, где видел я эти глаза?

Хозяйка подошла к ней с ложечкой масла. Та кончила свою операцию и, поднявшись с полу, спросила, нет ли чи-

стого чуланчика да сенца немного... «Василий Никитич на сене почивать любит», – прибавила она.

– Как не быть, пожалуйста, – отвечала хозяйка, – пожалуй, родименький, – обратилась она к юродивому, – обсушись, отдохни.

Тот закричал, медлительно поднялся с лавки – его вериги опять звякнули – и, обернувшись ко мне лицом и поискав образов глазами, начал креститься большим крестом наотмашь.

Я тотчас узнал его: это был тот самый мещанин Василий, который некогда показал мне моего покойного гувернера!

Черты его мало изменились; только выражение их стало еще необычнее, еще страшнее... Нижняя часть опухшего лица обросла взъерошенной бородою. Оборванный, грязный, одичалый, он внушал мне еще больше отвращения, чем ужаса. Он перестал креститься, но продолжал блуждать бессмысленным взором по углам, по полу, словно ждал чего-то...

– Василий Никитич, пожалуйста, – промолвила с поклоном женщина в шушуне. Он вдруг взмахнул головой и повернулся, да запутался ногами, зашатался... Спутница его тотчас к нему подскочила и поддержала его под мышку. Судя по голосу да по стану, она казалась еще молодой женщиной: лица ее почти невозможно было видеть.

– Акулинушка, друг! – проговорил еще раз юродивый каким-то потрясающим голосом и, широко раскрыв рот и уда-

рив себя кулаком в грудь, простонал глухим, со дна души поднявшимся стоном. Оба вышли из комнаты вслед за хозяйкой.

Я лег на свой жесткий диван и долго размышлял о том, что видел. Мой магнетизер стал окончательно юродивым. Вот куда повернула его та сила, которую нельзя было не признать в нем!

На следующее утро я собрался в путь. Дождь лил по-вчерашнему, но я не мог долее мешкать. На лице моего слуги, подававшего мне умываться, играла особенная, сдержанно-насмешливая улыбочка. Я хорошо понимал эту улыбочку: она обозначала, что слуга мой узнал что-нибудь невыгодное или даже неприличное насчет господ. Он, видимо, сгорал нетерпением сообщить мне это.

– Ну, что такое? – спросил я наконец.

– Вчерашнего юродивца изволили видеть? – немедленно заговорил мой слуга.

– Видел; что же далее?

– А товарку ихнюю тоже видели-с?

– Видел и ее.

– Она-с барышня; дворянского происхождения.

– Как?

– Истину вам докладываю-с; купцы сегодня из Т... проезжали; признали ее. Фамилию даже называли: только я запомнил-с...

Меня как молнией осветило.

– Юродивый еще здесь или уже ушел? – спросил я.

– Кажись, еще не уходил. Давеча сидел под воротами и мудреное такое творил, что и постигнуть невозможно. Благует с жиру; потому выгоду в том себе находит.

Слуга мой принадлежал к тому же разряду образованных дворовых, как и Ардалион.

– И барышня с ним?

– С ними-с; дежурят тоже.

Я вышел на крыльцо и увидел юродивого. Он сидел на лавочке под воротами и, упершись в нее обеими ладонями, раскачивал направо и налево понуренную голову, – ни дать ни взять дикий зверь в клетке. Густые космы курчавых волос закрывали ему глаза и мотались из стороны в сторону так же, как и отвисшие губы. Странное, почти нечеловеческое бормотание вырывалось из них. Спутница его только что умылась из висевшего на жердочке кувшинка и, не успев еще накинуть платок себе на голову, пробиралась назад к воротам по узкой дощечке, положенной через темные лужицы навозного двора. Я взглянул на эту, теперь со всех сторон открытую, голову и невольно всплеснул руками от изумления: предо мной была Софи Б.!

Она быстро обернулась и уставила на меня свои голубые, по-прежнему неподвижные глаза. Она очень похудела, кожа загрубела и приняла изжелта-красный оттенок загара, нос

заострился, и губы обозначились резче. Но она не подурнела; только к прежнему задумчиво-изумленному выражению присоединилось другое, решительное, почти смелое, сосредоточенно-восторженное выражение. Детского в этом лице уже не оставалось ни следа.

Я приблизился к ней.

– Софья Владимировна, – воскликнул я, – неужели это вы? В этом платье... в этом обществе...

Она вздрогнула, еще пристальнее взглянула на меня, как бы желая узнать, кто с ней заговаривает, и, не ответив мне ни слова, так и бросилась к своему товарищу.

– Акулинушка, – залепетал он, тяжело вздохнув, – грехи наши, грехи...

– Василий Никитич, идемте сейчас! Слышите, сейчас, сейчас, – промолвила она, одной рукой надергивая платок себе на лоб, а другой подхватывая юродивого под локоть, – идемте, Василий Никитич. Здесь опасно.

– Иду, матушка, иду, – покорно ответил юродивый и, перегнувшись всем телом вперед, приподнялся с лавочки. – Вот только цепочечку-то подвязать...

Я еще раз подошел к Софье и назвал себя, я начал умолять ее выслушать меня, сказать мне одно слово, я указывал ей на дождь, который полил как из ведра, я попросил ее пощадить собственное здоровье, здоровье ее товарища, я упомянул об ее отце... Но ею овладело какое-то злое, какое-то беспощадное одушевление. Не обращая на меня никакого

внимания, стиснув зубы и прерывисто дыша, она вполголоса, короткими, повелительными словами понукала растерявшегося юродивого, подпоясала его, подвязала его вериги, нахлобучила ему на волосы суконный детский картуз с изломанным козырьком, всунула ему палку в руку, накинула самой себе на плечи котомку и вышла с ним за ворота, на улицу... Остановить ее силой я не имел права, да оно ни к чему бы и не послужило; а на последний мой отчаянный возглас она даже не обернулась. Поддерживая «божьего человека» под руку, она проворно шагала по черной уличной грязи, и через несколько мгновений, сквозь тусклую мглу туманного утра, сквозь частую сетку падавшего дождя, в последний раз мелькнули предо мною обе фигуры, юродивого и Софьи... Они завернули за угол выдавшейся избы и исчезли навсегда.

Я вернулся к себе в комнату. Раздумье нашло на меня. Я ничего не понимал; я не понимал, как могла такая хорошо воспитанная, молодая, богатая девушка бросить всё и всех, родной дом, семью, знакомых, махнуть рукой на все привычки, на все удобства жизни, и для чего? Для того, чтобы пойти вслед полусумасшедшему бродяге, чтоб сделаться его прислужницей? Ни на одно мгновение нельзя было остановиться на мысли, что поводом к подобному решению была сердечная, хоть и извращенная, склонность, любовь или страсть... Стоило взглянуть на отталкивающую фигуру «божьего человека», чтоб тотчас выкинуть подобную мысль из головы!

Нет, Софи осталась чистой; и, как она однажды сказала мне, для нее не было ничего нечистого. Я не понимал поступка Софи; но я не осуждал ее, как не осуждал впоследствии других девушек,⁸ так же пожертвовавших всем тому, что *они* считали правдой, в чем *они* видели свое призвание. Я не мог не сожалеть, что Софи пошла именно *этим* путем, но отказать ей в удивлении, скажу более, в уважении, я также не мог. Недаром она говорила мне о самоотвержении, об уничтожении... у *ней* слова не рознились с делом. Она искала наставника и вождя, и нашла его... в ком, боже мой!

Да, она заставила топтать, попирать себя ногами... Впоследствии времени до меня дошли слухи, что семье удалось, наконец, отыскать заблудшую овцу и вернуть ее домой. Но дома она прожила недолго и умерла «молчальницей», не говорившей ни с кем.

⁸ ... я не осуждал ее, как не осуждал впоследствии других девушек ~ видели свое призвание. – Сопоставление Софи с девушками-революционерками раскрывает в значительной степени источник интереса писателя к этой героине. В рассказе Тургенев показал типичное, как ему казалось, для русской жизни определенного периода заблуждение женщин с сильным характером, самоотверженным сердцем и несколько догматическим направлением ума. Сопоставляя Софи и девушек-революционерок, писатель проводит вместе с тем определенную грань между ними: он говорит о своем непонимании поступка Софи, выражает сожаление, что «Софи пошла именно *этим* путем», – ничего подобного не говорится о революционерках. Стремление Тургенева выразить сочувствие «нигилистам» нашло наиболее полное воплощение в очерке «По поводу „Отцов и детей“», который был задуман в пору работы над рассказом «Странная история». На обложке рукописи этого рассказа записан черновой план «Литературных воспоминаний», в который включена статья «По поводу „Отцов и детей“».

Мир сердцу твоему, бедное, загадочное существо! Василий Никитич, вероятно, до сих пор юродствует; железное здоровье подобных людей поистине изумительно. Разве падучая его сломила.

Примечания

Источники текста

Черновой автограф. 69 с. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 76; описание см.: *Mazon*, p. 78; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 220.

Беловой автограф. 22 с. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 76; описание см.: *Mazon*, p. 78; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 338.

ВЕ, 1870, № 1, с. 66–85.

Т, Соч, 1868–1871, ч. 8, с. 5–32.

Т, Соч, 1874, ч. 7, с. 5–30.

Т, Соч, 1880, т. 8, с. 241–268.

Т, ПСС, 1883, т. 8, с. 256–284.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1870, № 1, с подписью: Ив. Тургенев.

Печатается по тексту *Т*, ПСС, 1883 со следующими исправлениями по другим источникам:

Стр. 146, строка 9: «решительно ничто не могло» вместо «решительно ничего не могло» (по черновому и беловому автографам, *ВЕ* и *Т*, Соч, 1868–1871).

Стр. 157, строки 18–19: «Остановить ее силой» вместо «Остановить ее самоё» (по черновому и беловому автогра-

фам).

На обложке чернового автографа стоят даты работы автора над рассказом: «Начат в Бадене около 15-го / 3 июля. Кончен в Бадене, в Тиргартенштрассе 3, в четверг 29 / 17-го июля, в 3 часа пополудни». Та же дата окончания работы указана и в конце текста, рядом с подписью писателя.

Быстрота написания рассказа объясняется, по-видимому, тем, что он был задуман значительно раньше: «Странная история» была обещана издателю немецкого журнала «Салон»⁹ еще в конце 1868 г. (см. письмо Тургенева Юлиусу Роденбергу от 26 декабря 1868 г. (7 января 1869 г.). 12 (24) февраля 1869 г. Тургенев об этом же писал Л. Пичу: «...„Салону“ я (к сожалению!) обещал, правда, небольшую повестушку – *inédite* <...>, но я не написал и *первого* слова. Когда это будет выполнено – ведает одно только небо!». Вынужденный перерыв в работе над повестью «Степной король Лир» Тургенев использовал для осуществления замысла рассказа «Странная история». Черновая рукопись рассказа помещается в тетради непосредственно вслед за планом названной повести.

Окончив «Странную историю», Тургенев снова пересмотрел текст и внес в него некоторые принципиально важные вставки. Так, на листе 25 рукописи вписан разговор рассказчика с Софи Б., раскрывающий внутренние побуждения, по которым она действовала (в окончательном тексте с. 150,

⁹ Немецкий журнал «Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft».

строка 1 и далее); на листе 38 сделана вставка о разрыве Софи с родными и бескорыстно-самоотверженном ее отношении к юродивому (см. с. 157). В конце текста, после завершения работы над рассказом, на полях сделана приписка о судьбе юродивого – своеобразный эпилог жизни Василия (с. 158).

Изучение многочисленных вставок на полях чернового автографа, на оборотах страниц, над строкой дают возможность представить себе, как развивался замысел писателя, углублялись образы произведения. Вся история Софи получила особую четкость и ясность благодаря вставкам и переделкам, которыми изобилует рукопись, отражающая основную работу над рассказом. В начале рассказа писатель включает в текст указание на то, что отец Софи – откупщик, а также иронические замечания о его ростовщической и откупщической деятельности. Эта вставка имела большое значение для объяснения поступка барышни, которая «спасается», «грехи заслуживает» (с. 154) – не свои, а своего отца. Новые штрихи были внесены в описание внешности Софи; писатель особо подчеркнул ее хрупкость, уязвимость. По мере обработки текста в него вводятся детали, говорящие о том, насколько Софи чужда окружающей ее среде и непонятна для провинциально-дворянского общества (в окончательном тексте с. 151–152); расширяется разговор с Софи на бале, во время которого девушка излагает свое credo (с. 149–150), а сравнение ее с другими девушками – революци-

онерками, рвавшими со своим окружением ради того, что они считали «правдой и добром» (черновой вариант), дополняется многозначительным словом «впоследствии», за которым стоит мысль о том, что религиозные искания жаждущих деятельного добра душ характерны для эпохи, предшествовавшей широкому приобщению интеллигенции к революционным идеям. Как итог трагической судьбы героини звучат вписанные на полях листа 38 чернового автографа слова: «Она искала учителя жизни – и нашла его... в ком, боже мой!» (черновой вариант; ср. в окончательном тексте с. 158). Существенны такие, небольшие на первый взгляд, исправления, как, например, замена «незыблемые и неискоренимые мнения» на «незыблемые и неискоренимые убеждения» (с. 149).

Детальной обработке подвергся и образ юродивого Василия, причем усилия автора были направлены на то, чтобы показать источники его болезненной психики и раскрыть бесчеловечность стихийного и бессознательного властолюбия, которым он одержим. Именно в связи с этой задачей возникли разработка образа Матридии и описание ее дома. Постепенно писатель наделяет ее и ухватками торговли, строящей свое благополучие на эксплуатации «богоданных» детей, и чертами сектантки, внушающей своим воспитанникам темные суеверия. В описании внешности Василия на передний план выдвигаются его болезненность и животная бессознательность. Так, возникло сравнение Василия с борзой, пре-

следующей зайца (с. 146), и описание одичалой, оборванной фигуры юродивого (с. 155), с непомерно большой, «как пивной котел», головой (с. 153).

Немалое значение для раскрытия психологических мотивов и социальных причин изображенного происшествия имела и характеристика обстановки действия. Отсюда – тщательность работы над описаниями провинциального быта, трактиров, помещичьего бала и условий путешествия по уездным дорогам, заканчивающимися многозначительной фразой, которая предшествует появлению юродивого и сопровождающей его Софи: «Я <...> предался тем дорожным нерадостным думам, которые слишком знакомы русским людям» (ср. в окончательном тексте с. 152). Следует отметить, однако, что Тургенев, судя по его письму к А. М. Жемчужникову от 5 (17) июня 1870 г., так и не был удовлетворен тем, насколько ему удалось разработать психологические мотивы поступков героев.

По окончании работы над текстом Тургенев переписал рассказ набело и сделал небольшие исправления. Дальнейшая судьба рассказа своеобразна. Отвечая на предложение редактора немецкого журнала «Салон» Юлиуса Роденберга, который просил писателя поддержать издание своим сотрудничеством, Тургенев напечатал рассказ в «Салоне» в немецком переводе – прежде, чем в России в оригинале. 25 сентября (7 октября) 1869 г. он писал И. П. Борисову: «Написал маленький рассказ, который – Вы удивитесь! – появится

(или уже появился) в немецком переводе в одной немецкой revue; оригинал будет напечатан в 1-м № „Вестника Европы“. Штучка очень небольшая и зовется „Странная история“. Надо Вам сказать, что я в глазах немцев – у какой писатель! – и столько же меня хвалят здесь, сколько ругают в России». Повесть впервые появилась в переводе на немецкий язык в журнале «Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft» в октябре 1869 г. (№ 10, Bd. V, S. 69–86) под заглавием «Eine wunderliche Geschichte».

Выступая в немецком журнале, Тургенев ощущал себя представителем родной литературы, знакомящим с русской жизнью и русскими людьми западного читателя. «Как могли Вы подумать, что я напишу рассказ на другом языке, кроме моего – русского», – писал он 23 февраля (7 марта) 1869 г. Людвигу Пичу, а от редактора «Салона» потребовал, чтобы профессиональный переводчик перевел рассказ на немецкий язык. 25 июля (6 августа) 1869 г. Тургенев писал Ю. Роденбергу: «... посылаю Вам русскую рукопись моей повести, название которой „Странная история“. Разрешите заметить следующее: *а.* Убедительно прошу прислать мне корректуру перевода – с тем, чтобы я мог ее прочесть до появления повести в „Salon“. Листы я тотчас же верну. *б.* Будьте так добры вернуть мне русскую рукопись».

Тургенев провел большую и тщательную работу по усовершенствованию перевода, сделанного Л. Кайслером (корректура перевода рассказа была ему прислана 8 (20) сен-

тября 1869 г.). В Институте изучения классиков в Веймаре среди писем Тургенева Ю. Роденбергу хранятся корректурные листы «Странной истории» с обильной правкой Тургенева, которой он занимался 8 (20) сентября 1869 г. Тургенев правил перевод Л. Кайслера, с одной стороны, уничтожая буквализм и добиваясь того, чтобы живым народным языком адекватно передать русскую речь, а с другой – в отдельных случаях, когда изображалось явление, специфичное для русского быта и не известное Западу, отвергая несостоятельные попытки переводчика найти немецкий термин для его обозначения. Так, он отмечает обозначения «der Närrische», «ein Glückseliger» (дурак, святой) для юродивого и вводит русское слово в немецкий текст (Jurodiwi), сопровождая его примечанием для немецкого читателя: «Unter Jurodiwi versteht man in Rußland gewisse Fanatiker, die ähnlich den orientalischen Seïdens oder indischen Fakirs die Annehmlichkeiten des Lebens verachtend im Lande umherschweifen. Das Volk betrachtet sie mit frommer Scheu, behandelt sie mit höchster Achtung, hält ihren Eintritt in das Haus für glückbringend und sucht die sinnlosesten Reden dieser Blödsinnigen als göttliche Offenbarungen und Prophezeihungen auszudeuten» («Под „юродивым“ разумеют в России особого рода фанатиков, которые наподобие восточных сеидов или индийских факиров бродят по стране, отрекаясь от благ жизни¹⁰. Народ смотрит на них с набожным страхом, относит-

¹⁰ Поясняя немецким читателям роль юродивых в русской народной жизни и

ся к ним с глубоким уважением, считает их посещение приносящим счастье и старается толковать бессмысленные речи этих безумцев как божественные откровения и пророчества»). Под этим пояснением стояли буквы: «D. V-r» («Der Verfasser» – автор). Примечаниями сопровождает Тургенев и имя «Васенька», поясняя читателю, что это уменьшительное от «Василий», и поговорку «Риск – благородное дело», объясняя, что это народная пословица, чтобы ироническое замечание о ростовщичестве откупщиков не было понято буквально (с. 138–139 текста).

Готовя немецкий перевод рассказа к печати, Тургенев проявил себя не только как вдумчивый редактор-переводчик и комментатор, но и как неутомимый автор, готовый постоянно работать над текстом, совершенствуя его и учитывая, какому читателю адресована книга. В немецком тексте Тургенев заметил и исправил противоречие, сняв утверждение знакомого рассказчика, что Софи – единственная наследница своего отца, не согласованное с утверждениями В. Г. Б., что Софи хозяйничает в доме и наблюдает за братьями и сестрами. В немецком переводе, вместо неопределенного обозначения места действия в рукописи – губернский город ***, возникает губернский город О. (явно «Орел», на-

уподобляя их индийским факирам, Тургенев мог основываться на рассуждениях на эту же тему Дж. Флетчера, который в своей известной книге «О государстве русском» (1591) сравнил юродивых со странствующими индийскими религиозными философами гимнософистами (об этом см.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» древней Руси. Л., 1976, с. 178–179).

звание которого писатель не мог точно обозначить в русском издании ввиду того, что происшествие, описанное им, имело место в действительности и некоторые причастные к нему лица могли еще быть живы. В русском тексте место действия было обозначено как город Т... – Тамбов. В немецком переводе рассказчик совершает служебную поездку в «Т...скую <Тульскую или Тамбовскую> губернию», соседнюю с «О...ской <Орловской>» – обе губернии граничили с Орловской («Т...sche Gouvernement, welches... an das О...sche Gouvernement anstößt»)¹¹.

Некоторые тургеневские исправления перевода могут служить как бы лексическим комментарием к русскому тексту – в том случае, если то или иное выражение в силу своей двусмысленности было неправильно понято переводчиком. Так, например, обращение Ардалиона к «младенцу лет шести» – «мальчуга», переведенное Кайслером как «Junge», исправлено Тургеневым на «Gelbschnabel» («желторотый»), а в другом обращении к нему же «мастеровой» перевод «Geselle» (подмастерье) заменен «braver Arbeiter» («труженик»). Интересно, что дважды употребленный собеседниками в споре на балу термин: «начало» был буквально передан переводчиком, и Тургенев вынужден был в обоих случаях исправить Кайслера, заменив слово бытового словаря философским и придав тем самым должную окраску этому

¹¹ В окончательном тексте рассказчик едет не в «Т...скую», а в «С...кую», т. е. Саратовскую (с. 152) губернию, граничащую с Тамбовской.

термину: «начало премудрости» – «Weisheitsgrund» (Тургенев) вместо «Der Weisheit Anfang» (Кайслер), «начало веры» – «Der Grund des Glaubens» (Тургенев) вместо «Der Anfang des Glaubens» (Кайслер).

После опубликования перевода в журнале «Салон» Тургенев, получив обратно рукопись, внес в нее ряд дополнений и исправлений и снова переписал ее (этот, вторичный беловой автограф, посланный потом Стасюлевичу, не сохранился). Он снял цифровые (римскими цифрами) обозначения глав, имевшиеся в предыдущих автографах, и кое-где усилил характерность речи героев. Были введены некоторые детали описания обстановки действия, например следующие строки: «Он помолчал, а громадные стенные часы, с лиловой розой на белом циферблате, своим однообразным и сиплым чиканием тоже как бы подтверждали его слова. О... очень! о-чень!» – шелкали они» (с. 140); слова об отношении губернского общества к религиозным исканиям Софи: «Я, взглянул на наших соседей ~ ее за такую знают» (с. 150); признание Софи, что она ищет наставника, и презрительный отзыв ее о духовнике-священнике, а также характеристика музыки, сопровождавшей разговор рассказчика с Софи, – строки: «наставника найти ~ гремели с хоров литавры) (см. с. 150–151). Следует отметить, что после слов этого отрывка: «напоминала мне дорафаэлевских мадонн...» в беловом автографе было: «я предпочитаю мадонн позднейших». Это замечание сохранилось только в первых изданиях, в *BE* и *T*,

Соч, 1868–1871. В дальнейшем Тургенев, верный своему постоянному стремлению избегать выражения авторских пристрастий, исключил его, и в собраниях сочинений, начиная с 1874 г., его нет. Характеристика юродивого пополнилась новыми чертами. Появилась, например, фраза: «Хохот этот вырывался всякий раз ~ слышалось негодующее плевание» (с. 153).

Заново выверенный, исправленный и переписанный текст рассказа был послан П. В. Анненкову для передачи М. М. Стасюлевичу (редактору «Вестника Европы»). Двенадцать наиболее существенных дополнений и исправлений вместе с оттиском рассказа из «Салона», 30 октября (11 ноября) 1869 г. были посланы в переводе на немецкий язык также Л. Фридлиндеру¹² и Л. Пичу¹³. Совершенно адекватные автографы немецкого перевода дополнений («Zusätze zur „Wunderlichen Geschichte“») хранятся в Парижском архиве Тургенева (*Bibl Nat*, Slave 78; описание см.: *Mazon*, p. 99, фотокопия – *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 344) и в Немецкой государственной библиотеке в Берлине¹⁴. Отсылая своих немецких друзей к страницам оттиска журнала «Salon», Тургенев на отдельных листках дополнял текст перевода рассказа «Странная история» наиболее существенными из встав-

¹² См.: Friedländer L. Erinnerungen, Reden, Studien. Th. I. Strassburg, 1905, S. 197–198.

¹³ Сообщено доктором Г. Цигенгайстом (ГДР).

¹⁴ То же.

вок, сделанных в беловом автографе. Особый интерес представляет дополнение, которое при переводе на немецкий язык подверглось новой авторской переделке. Беспорядочным, «темным» речам Василия, внесенным в беловой автограф, в немецком переводе придан более ясный и определенный характер, – этот перевод может служить как бы комментарием к русскому тексту. Вместо «Только ты слушай меня ~ сказывай... чей?» (с. 154) – здесь читаем: «Aber Du – höre! Gieb alles weg! Den Kopf weg! Das letzte Hemd weg! Und wenn man auch darum nicht bittet, gieb es doch! Denn Gott sieht. Er hat dir Mehl gegeben. Also marsch in den Ofen damit. Die ganze Welt soll Brot haben! Sonst glaubst du – *Er* braucht viel Zeit um Dir das Dach über den Kopf wegzublasen? Er sieht ja... Er sieht alles! Er si... eht» («Только ты слушай меня! Всё отдай, голову отдай, последнюю рубаху отдай. И просить не будут, а ты отдай. Потому, бог видит. Он тебе муку дал! Ну и пеки. У всех должен быть хлеб. А то долго ли ему сдуть крышу над твоей головой? Он видит... Он всё видит. Он видит»). Далее вместо: «Хозяйка украдкой перекрестилась под косынкой» – в немецком тексте «дополнений»: «Die Wirtin wurde etwas bleich und bekreuzte sich heimlich unter ihrem Brusttuch» («Хозяйка несколько побледнела и украдкой перекрестилась под косынкой»).

Таким образом, речи юродивого приобретали характер обличения стяжательства. Образ возмездия – разметанной над головой обидчиков-стяжателей крыши, – нашедший себе

затем прямое воплощение в повести «Стенной король Лир», в такой редакции «проповеди» юродивого приобретает особенно большое значение.

Можно предположить, что Тургенев счел нужным подвергнуть такой своеобразной обработке речь юродивого в немецком переводе, чтобы сделать более ясной для немцев свою мысль о религиозном подвижничестве как первобытной, бессознательной форме протеста и социально-нравственных исканий. От включения мотивов социального обличения в речь юродивого в русском тексте Тургенев отказался в силу своего обычного стремления избегать публицистических форм выражения авторской мысли, будучи, видимо, уверен, что русский читатель и без таких пояснений образа Василия правильно воспримет всё богатство ассоциаций, стоящих за рассказанной им «странной историей». Обличение пороков в невнятной, загадочной форме и умерщвление своей плоти было хорошо известной русским читателям «нормой» поведения юродивых (см.: Панченко А. М. Смех как зрелище. – В кн.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» древней Руси, с. 101–103, 123–128, 141–144). Следует отметить, что двенадцатью вставками, перечисленными в «Прибавлениях», не исчерпываются новации, внесенные Тургеневым в текст при его переписывании. Писатель не сообщил, например, что в речь Ардалиона (с. 141) им была внесена фраза: «Сидит каждый у себя на тычке, как „кэтик“ какой». Слово «кэтик», которое Тургенев для

памяти зафиксировал, в числе других записей, на обложке рукописи «Бригадира», очевидно, было трудно переводимо и стиль фразы почти невозможно было передать на чужом языке.

Воспользовавшись отсутствием конвенции об авторском праве между Германией и Россией, А. А. Краевский без разрешения автора 10 (22) декабря 1869 г. напечатал перевод «Странной истории» с немецкого в той самой газете «Голос» (№ 341, с. 1–3), которая встречала критикой каждое новое произведение писателя. Расчет Краевского был безошибочен: с одной стороны, опубликование нового произведения знаменитого писателя привлекало к его изданию новых читателей и приносило прибыль¹⁵; с другой стороны, представляя Тургенева как немецкого автора, произведения которого появляются в России через посредство переводчика, он как бы подкреплял свое постоянное утверждение, что Тургенев отрекся от России.

Тургенев был возмущен «проделкой» Краевского. Требовательный к себе писатель, специально обсуждавший со своим советчиком П. В. Анненковым такую подробность, как целесообразность введения фразы о бое часов (письмо от 4 (16) декабря 1869 г.), боялся более всего, что неполноценный в литературном отношении текст переводчика из «Голоса» может быть кем-нибудь из читателей принят за его ав-

¹⁵ В том же № 341, где напечатан рассказ Тургенева, было помещено объявление о подписке на газету на 1870 г.

торский текст (см. письмо от 20 декабря ст. ст. 1869 г. к П. В. Анненкову, от которого Тургенев 19 декабря получил «Голос» с переводом, а также письма М. М. Стасюлевичу от 21 декабря и М. А. Милютиной от 24 декабря ст. ст. 1869 г. Письмо Тургенева к М. М. Стасюлевичу с протестом против опубликования перевода немецкого текста было в сокращенном виде напечатано в «Вестнике Европы» (1870, № 1). В примечании к этому письму Стасюлевич утверждал, что самая поспешность, с которой Краевский напечатал перевод, говорит о том, что издатель «Голоса» признает популярность Тургенева и пытается воспользоваться ею в интересах своей газеты. При этом Стасюлевич, несомненно, рассчитывал на то, что и сам Краевский и читатели вспомнят недавние заявления газеты «Голос» о том, что «Тургенев отшатнулся от России и Россия от него отшатнулась» (Голос, 1869, 19 февраля (3 марта), № 50). В том же номере «Вестника Европы», в котором появилось письмо Тургенева, был напечатан подлинный текст «Странной истории».

Вскоре после появления рассказа в России, в начале 1870 г., П. Мериме перевел его на французский язык. 29 января (10 февраля) 1870 г. он пишет об этом переводе как о законченной работе: «Я только что перевел для „Revue“ одну новеллу Тургенева – она появится в ближайшем месяце» (*Mérimée*, II, 9, p. 34). В мартовской книге «Revue des Deux Mondes» за 1870 г. «Странная история» появилась в переводе Мериме. Английский перевод рассказа, оза-

главленный «The Idiot», осуществил постоянный корреспондент Тургенева В. Рольстон. Перевод напечатан в «Temple Bar» (1870, vol. XXIX).

«Странная история» вошла в сборник «Etranges histoires» Тургенева на французском языке («Etrange histoire. Le roi Lear de la steppe. Тос... тос... тос... L'abandonnée». Par J. Tourguéneff. Paris, Hetzel, изд. 1-е и 2-е – 1873, 3-е – 1874). Два немецких перевода рассказа (помимо перевода в «Салоне») появились также при жизни писателя: «Eine seltsame Geschichte». Übersetzt von A. Gerstmann. I. Turgenjew. Erzählungen eines alten Mannes. Berlin, Janke, 1878 (интересна попытка объединить повести 60–70-х гг. в своеобразный цикл «рассказов старого человека»); «Sonderbare Geschichte». Übersetzt von E. St<eineck>. I. Turgenjew. Vier Erzählungen. Leipzig, 1882, O. Wiegand.

Рассказ был переведен также на датский и шведский языки: «En sällsam historia». Öfversättning från franskan. Stockholm; «En besynderlig Historie». Paa Dansk ved Møller. I Bd. – В кн.: M. Tortaellingerag Skitser. Kjøbenhavn, 1873.

Рассказ не вызвал сколько-нибудь развернутого обсуждения в критике. Даже среди друзей Тургенева почти не оказалось людей, достойно оценивших это произведение. 5 (17) июня 1870 г. Тургенев писал А. М. Жемчужникову: «Вы едва ли не единственный человек, помянувший добрым словом мою „Странную историю“». С одним из своих друзей и корреспондентов – беллетристом М. В. Авдеевым – Тургенев

вынужден был вступать в полемику по поводу образа главной героини рассказа. Надеясь, что в «Странной истории» повторяются картины «Записок охотника» и что образ героини не актуален, Авдеев писал: «Она („Странная история“) мне очень понравилась и идет к картинам русской жизни, которых Вы дали много, но самый конец Вы осветили, по моему, неверно <...> В основании всякого фанатизма лежит сила, но сила глупая, и Софи во мне, кроме презрительного сожаления, никакого участия не шевельнула <...> Ваша Софи устарела» (Т сб, вып. 1, с. 430–431). Отвечая Авдееву 13 (25) января 1870 г., Тургенев прежде всего дает понять своему корреспонденту, что тот упрощенно понимает требование современности, что и повествование о далеком прошлом может быть проникнуто современной мыслью: «... неужели вы до того потонули в „современности“, что не допускаете никаких не современных типов? Я „отстал“ с своей Софи: еще бы! Да я, пожалуй, еще дальше назад хвачу; Софи не возбуждает ничего, кроме „презрительного сожаления“; и этого, по-моему, еще много. Неужели каждый характер должен непременно быть чем-то вроде прописи: вот, мол, как надо или не надо поступать? Подобные лица жили, стало быть, имеют право на воспроизведение искусством. Другого бессмертия я не допускаю, а это бессмертие, бессмертие человеческой жизни – в глазах искусства и истории – лежит в основании всей нашей деятельности». Тургенев подчеркивал, что образ Софи исторически достоверен, что он имеет ре-

альный прототип, что в странной судьбе изображенной им девушки воплотились некоторые характерные черты жизни русского общества на определенном этапе его развития.

Аргументация Тургенева, очевидно, произвела впечатление на Авдеева. Впоследствии, в работе «Наше общество в героях и героинях литературы» он попытался показать исторические истоки образа Софи, его связь с Татьяной Пушкина и Лизой из «Дворянского гнезда», а также объяснить особенности религиозных исканий героини воздействием на нее темных сторон народного сознания (см.: Авдеев М. В. Наше общество в героях и героинях литературы. Изд. 2-е. СПб., 1907, с. 206–207).

Отклики на появление «Странной истории» поместили «Московские ведомости» (1870, № 9, 13 января) и «Новое время» (1870, № 23, 24 января). Обе газеты бегло и неодобрительно отозвались о новом произведении писателя. Критик «Московских ведомостей» признавал художественные достоинства «Странной истории», но писал, что «повесть довольно ничтожна по содержанию». Рецензент «Нового времени» утверждал даже, что перевод с немецкого перевода, напечатанный Краевским в «Голосе», мог бы читателям заменить подлинник. Характерна нота, прозвучавшая в высшей степени недоброжелательной по отношению к Тургеневу заметке «Нового времени». «Нечего сказать, хорошо же вы знакомите немецкую публику с русской жизнью, если показываете ей такие картинки, как ваша „Странная ис-

тория“», – поучала газета писателя.

Реакционные круги русского общества, крайне озлобленные появлением романа «Дым», восприняли «Странную историю» как продолжение начатого, по их мнению, писателем в романе холодного обличения своей родины. П. Мериме сообщил Тургеневу 13 (25) марта 1870 г. о беседах с русскими обитателями Ниццы по поводу «Странной истории»: «Как кажется, Ваш последний рассказ привел их в ярость. Они говорят, что Вы ожесточенный враг России и что хотите видеть *одни* только ее теневые стороны. Я спросил у одной дамы, которая казалась очень возмущенной, в чем теневая сторона в Вашем рассказе. Ответ: – Всюду. – Имеются ли юродивые в России? – Конечно. – А крайне набожные и восторженные девицы? – Безусловно. – На что же вы тогда жалуетесь? – Не нужно говорить об этом иностранцам. – Я передаю вам этот отзыв так, как я его слышал. Лакейский патриотизм повсюду один и тот же: я не знаю ничего более глупого» (*Mérimée*, II, 9, p. 74).

В споре с Авдеевым Тургенев также ссылался на реальность и типичность случая, составившего основу фабулы его рассказа. Самому ему приходилось наблюдать подобные происшествия. Сохранилось свидетельство, что героиня Тургенева имела реальный прототип. Л. Фридлиндер, ссылаясь на признание самого Тургенева, заявлял: «„Странная история“ взята из жизни. Молодая мечтательница, бросающая родительский дом для того, чтобы сопровождать в качестве

служанки юродивого, была дочь директора одной казенной зеркальной фабрики. Своим поступком она хотела загладить грехи отца, который грабил казну. Впрочем, молодая девушка вернулась в родительский дом и даже вышла замуж» (ВЕ, 1906, № 10, с. 831). Сам Тургенев в письме к И. П. Борису от 23 декабря 1869 г. (4 января 1870 г.) также вспоминал, что рассказ «Странная история» составиля у него «из двух анекдотов», из которых один он «слышал, а другой сам пережил». Случаи, подобные рассказанному Тургеневым в «Странной истории», были не столь уж редки. Я. П. Полонский сообщает о подобном случае, с которым столкнулся Л. Н. Толстой: «Видел граф и одну раскольничью богородицу и в ее работнице нашел, к немалому своему изумлению, очень подвижную, грациозную и поэтическую девушку, бледно-худощавую, с маленькими белыми руками и тонкими пальцами» (Полонский Я. П. И. С. Тургенев у себя, в его последний приезд на родину. – Нива, 1884, № 5, с. 115).

Реальную основу рассказа «Странная история» подчеркивал и Н. С. Лесков, утверждавший в 1869 г. в статье «Русские общественные заметки»: «Содержание ее вполне не вымышленное, а истинное: это давняя история жившего в тридцатых годах в городе Орле „блаженного Васи“ и одной орловской же девицы, отрекшейся от света и пошедшей „угождать юродивому“» (Лесков Н. С. Собрание сочинений. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 10, с. 85). Не видя в «Странной истории» ничего, кроме «самым обыкновенным образом рассказанно-

го анекдота, к которому в Орле давно уже приснащены были разные подробности, упущенные г. Тургеневым или во все ему неизвестные», Лесков говорил о незначительности не только этого произведения, но и других рассказов и повестей 60-х годов, считая, что «„Собака“, „Лейтенант Ергуннов“, „Бригадир“ и „Несчастливая“ <...> просто неудачные абрисы, которые можно было бросить, но можно было, пожалуй, и напечатать, когда пристают да просят: „Дайте, дескать, нам что-нибудь бога ради!“» (там же, с. 86).

Из «Заметок» Лескова мы узнаем также, что рассказ возбудил оживленное обсуждение среди литераторов и читателей, что по его поводу ставили вопрос о «зарубежничестве» Тургенева, о его праве описывать темные явления русской жизни, находясь вне пределов родины, о допустимости для русского литератора писать или печатать свои произведения на других языках, об идеях и взглядах героини «Странной истории», о естественнонаучном объяснении таинственных явлений психики, описанных в рассказе. Высказав свое мнение по этим вопросам, Лесков заканчивал статью утверждением, что повести и рассказы Тургенева последних лет лишь беглые этюды, подготавливающие, возможно, новый серьезный труд писателя, и выражением надежды, что в этом труде Тургенев решительно отмежуется от нигилистов, откажется от попыток найти с ними общий язык. Капитальный труд Тургенева, в некоторых отношениях действительно подготавливавшийся повестями шестидесятых годов, – «Новь», как

известно, не оправдал этих надежд Лескова.

В. Я. Брюсов, оценивавший содержание «Странной истории» через двадцать шесть лет после ее появления, почувствовал ее новизну и актуальность в бóльшей мере, чем современники Тургенева. В письме к Н. Я. Брюсовой он утверждал: «Василий и Софи два новых типа у Тургенева. В те годы софи только что стали появляться в русской жизни. Тургенев перенес этот тип на 15 лет назад и сообразно с этим изменил обстановку. Основная черта этого типа – жажда подвига, желание „душу свою положить ради идеи“. Центр<альное> место расск<аза> – разговор на балу» (см.: Тургенев и его современники. Л., 1977, с. 185). В отличие от Брюсова, считавшего главным достоинством рассказа историческую достоверность изображенных в нем характеров людей, стремящихся служить идее, Ин. Анненский усмотрел в образе Софи извечное экстатическое стремление к мистическому идеалу духовного совершенства и страдания (Анненский И. Ф. Белый экстаз. – Книга отражений. М., 1979, с. 141–146).

Условные сокращения

Архивохранилища

Bibl Nat – Национальная библиотека (Париж).

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

ГПБ – Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).

ЦГИАЛ – Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

Алексеев – Алексеев М. П. И. С. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе. – В кн.: Труды Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Вып. 1, с. 37–80.

Анненков – Анненков П. В. Литературные воспоминания.

М., 1960.

Анненков и его друзья – П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892.

Антокольский – Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи / Под ред. В. В. Стасова. СПб.; М.: изд. т-ва М. О. Вольф, 1905.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959, т. I–XIII.

Б-ка Чит – «Библиотека для чтения» (журнал).

Богдановы – Богдановы Л. Я., Б. В. Родной край в произведениях И. С. Тургенева. Орел, 1959. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Боткин и Т – В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851–1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academie, 1930.

Вольф, Хроника – Вольф А. И. Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1881 года. СПб., 1877–1884, ч. I–III.

Герцен – Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Наука, 1954–1965.

Гоголь — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. I–XIV.

Гол Мин – «Голос минувшего» (журнал).

Гончаров – Гончаров И. А. Собр. соч. в 8-ми т. М.: Гослитиздат, 1952–1955.

Гончаров и Тургенев – И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома. С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пг.: Academia, 1923.

Гончаров, Необыкновенная история – Гончаров И. А. Необыкновенная история. – В кн.: Сборник Российской публичной библиотеки. Пг., 1924. Т. 2, вып. 1, с. 7–189.

Горбачева, Молодые годы, Т – Горбачева В. Н. Молодые годы Тургенева. (По неизд. материалам). Казань, 1926.

Григорьев — Григорьев Ап. Сочинения. СПб.: Издание Н. Страхова, 1876. Т. I.

Гроссман, Театр Т — Гроссман Л. П. Театр Тургенева. Пг., 1924.

Грузинский – Грузинский А. Е. И. С. Тургенев. Личность и творчество. М., 1918.

Гутьяр – Гутьяр Н. М. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.

Для легкого чтения – Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. СПб., 1856–1859. Т. I–IX.

Добролюбов — Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. / Под общей редакцией П. И. Лебедева-Полянского. Т. I–VI. М.; Л.: Гослитиздат, 1934–1941 <1945>.

Достоевский – Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Художественные произведения. Т. I–XVII. Л.: Наука, 1972.

Достоевский, Письма – Достоевский Ф. М. Письма, тт. I–IV. / Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ – Academia – Гослитиздат, 1928–1959.

Дружинин – Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. VII.

Житова – Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961.

Звенья – Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XX вв. / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского и др., т. I–VI, Academia; т. VIII–IX, Госкультпросветиздат. М.; Л., 1932–1951.

ЗО 1852 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. М., 1852. Ч. I–II.

ЗО 1859 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. 2-е изд. СПб., 1859, Ч. I–II.

ЗО 1860 – Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского, 1860. Т. I.

ЗО 1865 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865, Т. I.

ЗО 1869 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1869. Ч. I.

ЗО 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1874). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. I.

ЗО 1880 – И. С. Тургенев. Записки охотника. Полное собрание очерков и рассказов. 1847–1876. 1-е стереот. изд. СПб., 1880.

ИВ – «Исторический вестник» (журнал).

Иванов — Проф. Иванов Ив. Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Личность. Творчество. Нежин, 1914.

Истомин — Истомин К. К. «Старая манера» Тургенева (1834–1855 гг.) СПб., 1913.

Киреевский – Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., <1917>. Вып. II, ч. 1; М., 1929, Вып. II, ч. 2.

Клеман – Клеман М. К. И. С. Тургенев – переводчик Флобера. – В кн.: Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1934. Т. 5.

Клеман, Летопись – Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева / Под. ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: Academia, 1934.

Клеман, Программы – Клеман М. К. Программы «Записок охотника». – Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1941, т. 76, серия филол. наук, вып. 11, с. 88–126.

Корнилов. Годы странствий – Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.; М., 1925.

Куприевич – Куприевич А. А. «Стихотворения в прозе» Тургенева и «Диалоги» Леопарди. – В кн.: *Minerva*. Сборник, изданный при историко-филологической семинарии Высших женских курсов в Киеве. Киев, 1913. Вып. 1.

Лит Арх – Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Ин-т рус. лит. – Пушкинский Дом. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1953. Т. 1–4.

Лит Музеум – Литературный Музеум (Цензурные мате-

риалы 1-го отд. IV секции Государственного архивного фонда). Под редакцией А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., 1919.

Лит Мысль – Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922, Л., 1925. Т. I–III.

Лит Насл – Литературное наследство. М.: Наука, 1931–1977. Т. 1–86.

Лит учеба – «Литературная учеба» (журнал).

Лит-библиол сб – Литературно-библиологический сборник / Под ред. Л. К. Ильинского. Пг., 1918. (Труды Комис. Рус. библиол. об-ва по описанию журналов XIX в.; Вып. 1).

Львов-Прач – Собрание народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оным второй части. СПб., 1806.

Мазон – Мазон А. Парижские рукописи И. С. Тургенева. Перевод с французского Ю. Ган под редакцией Б. Томашевского. М.; Л.: Academia, 1931.

Моск Вед – «Московские ведомости» (газета).

Моск Вестн – «Московский вестник» (журнал).

Москв – «Москвитянин» (журнал).

Н Мир – «Новый мир» (журнал).

Назарова – Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853). – Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 162–167.

Некрасов — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем/Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. М., 1948–1953. Т. I–XII.

Никитенко – Никитенко А. В. Дневник в 3-х т. Л.: Гослитиздат, 1955–1956.

Оксман, Сб, 1959 – Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959.

Орл сб, 1955 – «Записки охотника» И. С. Тургенева. Сборник статей и материалов. Орел, 1955. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Орл сб, 1960 – И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Статьи и материалы. Орел, 1960. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Отеч Зап – «Отечественные записки» (журнал).

Отчет ИПБ – Отчеты императорской Публичной библиотеки.

ПД, Описание – Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского Дома, вып. IV, И. С. Тургенев. Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Переписка Грота с Плетневым – Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1896. Т. I–III.

Петербургский сборник – «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846.

Писарев – Писарев Д. И. Сочинения: В 4-х т. М.: Гослитиздат, 1955–1956.

Писемский – Писемский А. Ф. Письма. Подготовка текста и комментарии М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936 (Литературный архив).

Письма к Герцену – Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объясн. примеч. М. Драгоманова. Женева, 1892.

Поляк – Поляк Л. М. История повести Тургенева «Клара Милич». – В кн.: Творческая история. Исследования по русской литературе / Под ред. Н. К. Пиксанова. «Никитинские субботники». М., 1927.

Пушкин – Пушкин. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16.

Пыпин, Списки пьес Т — Пыпин Н. А. Списки пьес И. С. Тургенева в собраниях Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского. – О театре. Сборник статей. Л.; М., 1940.

Революционеры-семидесятники – И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л.: Academia, 1930.

Рус арх – «Русский архив» (журнал).

Рус беседа – «Русская беседа» (журнал).

Рус Бог-во – «Русское богатство» (журнал).

Рус Вед – «Русские ведомости» (газета).

Рус Мысль – «Русская мысль» (журнал).

Рус Обзор – «Русское обозрение» (журнал).

Рус Обзор – «Русское обозрение» (журнал).

Рус Пропилеи – Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и подготовил к печати М. О. Гершензон. М., 1915–1916. Т. 1–4.

Рус Сл – «Русское слово» (журнал).

Рус Ст – «Русская старина» (журнал).

Рында – Рында И. Ф. Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. СПб., 1903.

Сакулин – Сакулин П. Н. На грани двух культур. И. С. Тургенев. М., 1918.

Салтыков-Щедрин — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. М.: Гослитиздат, 1965–1977.

Сб ГБЛ – «И. С. Тургенев», сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1940 (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Сб ПД 1923 – «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год». Пгр., 1922.

Сев Вестн – «Северный вестник» (журнал).

Сев Обзор – «Северное обозрение» (журнал). *Соболевский* – Великорусские народные песни. СПб., 1896, т. II; СПб., 1897, т. III.

Сев Пчела – «Северная пчела» (газета).

Совр – «Современник» (журнал).

СПб Вед – «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

Станкевич, Переписка – Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / Ред. и изд. Алексея Станкевича. М., 1914.

Стасюлевич – Стасюлевич М. М. и его современники в их

переписке. СПб., 1911–1913. Т. I–V.

Т и его время — Тургенев и его время. Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского. М., 1923.

Т и круг Совр – Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861. М.; Л., 1930.

Т и Савина – Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С предисловием и под редакцией почетного академика А. Ф. Кони при ближайшем сотрудничестве А. Е. Молчанова. Пг., 1918.

Т и театр — Тургенев и театр. М., 1953.

Т сб (Кони) – Тургеневский сборник Под ред. А. Ф. Кони. Пб.: Коопер. изд-во литераторов и ученых. 1921. (Тургеневское общество).

Т сб (Пиксанов) – Тургеневский сборник. Пгр.: «Огни», 1915 (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова).

Т сб, вып. 1–5 – Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1964–1969. Вып. 1–5.

Т, 1856 – Повести и рассказы И. С. Тургенева с 1844 по 1856 г. 3 части. СПб., 1856.

Т, Двор гнездо, 1859 – Дворянское гнездо. Роман И. С. Тургенева. М., 1859.

Т, Дым, 1868 – «Дым», соч. Ив. Тургенева. М.: Изд. 1-е и 2-е бр. Салаевых, 1868.

Т, Отца и дети, 1862 – «Отцы и дети». Сочинение Ив. Тургенева.

Т, ПСС и П, Письма – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961–1968.

Т, ПСС и П, Сочинения – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960–1968.

Т, ПСС, 1883 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Посмертное издание. СПб., тип. Глазунова, 1883. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1897 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. 4-е изд. тип. Глазунова. СПб., 1897. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1898 («Нива») – Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 12 т. Приложение к журналу «Нива». Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1898; Пг.: Лит. – изд. отд. Наркомпроса, 1919.

Т, Рудин, 1936 – Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. 2-е изд. М.; Л.: Academia, 1936.

Т, сб (Бродский) – И. С. Тургенев: Материалы и исследования. Сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940.

Т, Соч, 1860–1861 — Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского. 1861. Т. II, III.

Т, Соч, 1865 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865. Ч. II, III.

Т, Соч, 1865 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Ч. 1–5. Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865.

Т, Соч, 1868–1871 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1868. Ч. 2, 3.

Т, Соч, 1869 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). Ч. 1–8. М.: Изд. бр. Салаевых, 1868–1871.

Т, Соч, 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. 2, 3.

Т, Соч, 1880 — Сочинения И. С. Тургенева. М.: Насл. бр. Салаевых, 1880. Т. 1–10.

Т, Соч, 1891 – Полн. собр. соч. И. С. Тургенева. 3-е изд. Т. 1–10. СПб., 1891.

Т, Сочинения – Тургенев И. С. Сочинения / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1929–1934. Т. I–XII.

Т, СС – Тургенев И. С. Собр. соч. В 12-ти т. М., 1953–1958.

Т, СС («Огонек») – Тургенев И. С. Собр. соч. / Под ред. Н. Л. Бродского, И. А. Новикова, А. А. Суркова. Прил. журн. «Огонек». Т. I–XI. М.: Правда, 1949.

Т, СС, 1975 – Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти т. М.: Художественная литература, 1975 (падение продолжается).

Т, Стих, 1885 — Стихотворения И. С. Тургенева. СПб., 1885.

Т, Стих, 1891 — Стихотворения И. С. Тургенева. 2-е изд. СПб., 1891.

Т, Стих, 1950 — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1950. (Б-ка поэта. Малая серия).

Т, Стих, 1955 — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1955

(Б-ка поэта. Малая серия, 3-е изд.).

Т, Стихотворения и поэмы, 1970 — Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. / Вступит, статья, подготовка текста и примечания И. Ямпольского. Л., 1970. (Б-ка поэта. Большая серия).

Твори путь Т – Творческий путь Тургенева. Сборник статей под редакцией Н. Л. Бродского. Пг.: Сеятель, 1923.

Театр насл — Театральное наследство. Сообщения. Публикации / Ред. коллегия: А. Я. Альтшуллер, Г. А. Лапкина. М.: Искусство, 1956.

Толстой – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958. Т. 1–90.

Труды ГБЛ – Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Academia, 1934–1939. Вып. III–IV.

Тучкова-Огарева – Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1959.

Успенский – Успенский Г. И. Полн. собр. соч. М.: Изд. АН СССР, 1940–1954. Т. 1–14.

Фет – Фет А. А. Мои воспоминания (1848–1889). М., 1890. Ч. I и II.

Фигнер – Фигнер В. Полное собрание сочинений в семи томах. Изд. 2-е. М.: Изд. Общества политкаторжан. 1932.

Центрархив, Документы – Документы по истории литературы и общественности. – И. С. Тургенев. М.; Пг.: Центрархив РСФСР, 1923. Вып. 2.

Чернышевский – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.

В 15-ти т. М: Гослитиздат, 1939–1953. Т. I–XVI (доп.).

Шаталов – Шаталов С. Е. «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева. Арзамас, 1961.

1858, *Scènes, I* – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Nouvelles russes, traduites avec l'autorisation de l'auteur par M. X. Marmier. Paris, 1858.

1858, *Scènes, II* – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot. Paris, 1858.

Ausgewählte Werke – Iwan Turgénjew's Ausgewählte Werke. Autorisierte Ausgabe, Mitau – Hamburg, E. Behre's Verlag, 1869–1884.

BE – «Вестник Европы» (журнал).

Delaveau – Récits d'un chasseur par Ivan Tourguénef. Traduits par H. Delaveau. Seule édition autorisée par l'auteur. Paris, 1858.

Dolch — Dolch Oscar. Geschichte des deutschen Studententhums von der Gründung der deutschen Universitäten bis zu den deutschen Freiheitskriegen. Leipzig, 1858.

Flaubert, Correspondance – Flaubert G. Œuvres complètes. Correspondance. Nouvelle édition augmentée. Paris: L. Conard, 1926–1930, séries I–IX.

Flaubert, Correspondance. Suppl. – Flaubert G. Œuvres complètes. Correspondance. Supplément (1830–1880). Paris, 1954. Т. 1–4.

Granjard, Ivan Tourguénev – Ivan Tourguénev, la comtesse

Lambert et «Nid de seigneurs», par Henri Granjard. Paris, 1960. (Bibliothèque russe de L'Institut d'études slaves, t. XXXI).

Mazon – Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930.

Mérimée – Mérimée Prosper. Correspondance générale. Etablie et annotée par Maurice Parturier. I série, tt. 1–6. Paris, «Le Divan», II série, t. 1–9. Toulouse, Privat.

T, Nouv corr inéd – Tourguénev Ivan. Nouvelle correspondance inédite. Textes rec., annot. et précédés d'une introd. par Alexandre Zviguilsky. Paris, 1971 (t. 1), 1972 (t. 2).

Tagebücher — Varnbagen K.-A. Tagebücher, 1861–1905, Bd. I–XV.

Zabel – Zabel E. Iwan Turgenjew als Dramatiker. – Literarische Streifzüge durch Russland. Berlin, 1885.